

*Маме и папе —
за то, что воспитали меня с любовью,
смехом и книгами.
Холли и Джеймсу — за их блеск.
И Дейву — за все*

Пролог

Голоса в гостиной звучали все громче, а потом мужской вдруг сорвался на крик. Крик такой грозный и пугающий, что Гвен выскользнула из-под одеяла и перебралась к сестре. Руби не спала. Глаза ее блестели от просачивающегося из-под двери света.

— Скоро кончится, — прошептала Руби.

— Кто это? — У Глории никогда не бывало меньше двух дружков, и к тому же к ней постоянно приходили погадать на картах. Гвен почувствовала, как Руби пожала плечами.

Теперь и Глория подняла голос. Похоже, кто-то рассердил ее по-настоящему. Гвен съежилась и сползла с головой под одеяло.

Шум и крики выплеснулись в коридор.

— Расскажи мне сказку, — попросила Руби.

Гвен вытянула ноги, отгородилась от сердитых голосов и ненадолго задумалась.

— Давным-давно жили-были две сестры, Роза Красная и Роза Белая. И вот шли они однажды через густой лес...

— Не эту, — перебила ее Руби. — Другую, где принц. Где красивый принц. И где много-много денег.

Грохнула передняя дверь.

— В моей сказке есть принц, — возразила Гвен, и сквозь страх пробилось раздражение. Руби вечно на что-то жаловалась.

— В ней есть медведь.

— Который превращается в принца.

Дверь в спальню открылась.

— Девочки?

В проеме появилась Глория. Лицо ее оставалось в тени.

— Вам придется встать.

— Я устала, — пожаловалась Руби.

— Знаю, и мне очень жаль. — По тону ее голоса поверить в это было трудно. Глория никогда ни о чем не жалела. — Мы переезжаем. Соберите вещи. И ничего не оставляйте...

— ...потому что мы никогда не оглядываемся, — закончили за нее Гвен и Руби. — Мы знаем.

Глава 1

Гвен Харпер выросла в твердом убеждении, что в жизни у всего есть пара. У каждой монеты две стороны, в каждом человеке живет ангел и демон, и все живое движется к смерти. Никакой хорошей стороны в возвращении в Пендулфорд Гвен вообразить не могла, но, поскольку выбирать не приходилось, надеялась, что Глория права в своих рассуждениях насчет «светлого и темного». Она въехала на холм, и Пендулфорд раскинулся перед ней. Расположившийся в долине городок лежал, казалось, в чаше двух гигантских зеленых ладоней, и каменные постройки отливали мягким блеском в свете зимнего солнца. Протекавшая через центр темная река напоминала червя в яблоке.

Гвен миновала указатель с выполненной изящными черными буквами надписью «Пендулфорд. Ярмарочный город» и еще один, поменьше и желтый, который гласил: «Британия в цвету». Перед ним болтались на веревочке несколько поломанных с виду кукол, длинные волосы которых были связаны одним большим узлом. Гвен даже притормозила, чтобы взглянуть повнимательнее на жутковатые лица с застывшими мертвыми глазами и розовыми ртами, о которых говорят *губки бантиком*.

Она поежилась, стараясь не думать ни о чем ломаном и мертвом, а еще о ледяной воде в реке. В двигателе ее «Ниссана» что-то треснуло. Симпатический нерв, решила Гвен и ободряюще похлопала машину по приборной доске.

— Не тревожься. Мы здесь не задержимся.

Она взглянула на лежащие на пассажирском кресле документы, согласно которым ситуация выглядела иначе, но настроиться на беспокойный лад мысли не успели — ей открылся вид на Пендалфорд. Странно, но город выглядел точь-в-точь таким, каким оставался в памяти все тринадцать лет, с тех пор как Гвен уехала отсюда.

Она глубоко вдохнула — раз и еще раз, — постаравшись унять разогнавшееся сердце. Причин для паники не было. Ее мать находилась сейчас на другом краю света, а от Бата, где осталась ее вечно недовольная сестрица, Пендалфорд отделяли целых восемь миль. Перекричать такое расстояние не могла даже Руби.

Проезжая через городской центр, мимо выстроившихся рядами вилл в эдвардианском стиле с выполненными со вкусом табличками «ночлег и завтрак», Гвен обратилась к логике. В доме двоюродной бабушки, Айрис, она проведет только одну ночь. Примет ванну. Как следует выспится, а уж потом, утром, отправится в адвокатскую контору и отыщет какой-нибудь способ обойти дурацкое условие насчет невозможности продажи дома в течение шести месяцев. И затем — пока, Пендалфорд.

Ведя с собой эту успокоительную беседу, Гвен продолжала путь. Один нервный момент она пережила,

когда вообразила, что видит Кэма, и едва не выехала на тротуар. Это был высокий мужчина с взлохмачеными темными волосами, но, проскочив мимо и взглянув в зеркало заднего вида, Гвен поняла, что ошиблась. Чуть было не выпрыгнувшее из груди сердце вернулось на место. Кэмерона Лэнга здесь давно уже нет, заверила себя Гвен. Скорее всего, он в Лондоне. Или в тюрьме.

Большие дома сменились традиционными каменными коттеджами и зданием ратуши с треугольником травы перед ним. Мужчина в твидовом костюме менял бюллетени на информационной доске. Внешне Пендлфорд выглядел таким же симпатичным и безобидным, каким и помнился ей. Если бы не каждодневные насмешки в школе и неприятный эпизод, начавшийся у реки и закончившийся в местном полицейском участке, возможно, она и не ненавидела бы этот город так сильно.

Окраины Пендлфорда были застроены неказистыми, похожими на коробки муниципальными домами с аккуратными садиками, свежевыкрашенными окнами и коричневой каменной штукатуркой в стиле шестидесятых. Ими город и заканчивался, а дальше начинались поля, и Гвен едва не пропустила поворот к Айрис — на небольшом деревянном указателе сохранилось лишь едва различимое Энд. Проехав четыреста ярдов по узкой однополосной дороге, Гвен повернула, и ее взгляду открылся дом. Сложенный из камня, он оказался больше, чем она ожидала. Гвен вышла из машины, набросила флисовую куртку. Бледное ноябрьское солнце повисло в голубовато-сером небе. Все вокруг замерло в тишине.

— Больно уж тихо, — произнесла она вслух и попыталась рассмеяться. Не получилось.

У передней калитки Гвен задержалась. Все ее естество противилось этому пересечению границ собственности, что было, конечно, нелепо. Ей, фактически бездомной, подарили дом. Испытывать при этом какие-либо иные чувства, кроме благодарности, было безумием. *Безумием*.

Передняя дверь, некогда темно-зеленая, определенно нуждалась в покраске. Слева до самого горизонта тянулись поля; по замерзшей земле расхаживали черные птицы.

Потратив минут пять на бесплодные попытки открыть дверь, она поняла наконец, что дверь уже открыта. Веранда была чисто подметена, на подоконнике лежала аккуратная стопка писем.

Внутренняя дверь открылась, и возникшая на пороге женщина в узких черных брюках и желтой блузке удивленно посмотрела на Гвен.

— Да?

— Э... Это Эндрауз?

— Да. — Незнакомка тряхнула бледно-блондинистыми волосами, отбросив упавшую на глаза челку.

— Это дом моей двоюродной бабушки. Эмм... То есть теперь он, наверно, мой.

Лицо незнакомки изменилось, на нем даже простили некое подобие улыбки, открывшей белые и маленькие, почти детские зубы, вид которых во вполне взрослом рту вызывал если не тревогу, то беспокойство.

— Так вы Гвен Харпер. Я вас не ждала, но... пожалуй, вам лучше пройти.

— Спасибо. — Гвен переступила через порог. Большая квадратная прихожая была выложена каменной плиткой. На побеленных стенах проступали кое-где тонкие черные трещинки, будто из-под штукатурки пытались прорваться что-то темное и зловещее.

— Я проведу вас по дому. — Незнакомка повернулась, но Гвен остановила ее.

— Извините, но... Вы кто?

— Ах да. Я — Лили Томас. Здесь уже давно. Помогаю вашей бедной бабушке.

— Помогаете?

— Да. Убираю, готовлю и все такое. — Лили нахмурилась. — Она, знаете, была уже очень старенькая.

Гвен посмотрела на матово-розовые ногти Лили. Близкого знакомства с нелегкой домашней работой они не выдавали.

Заметив ее взгляд, Лили покрутила пальцами в воздухе.

— Накладные. Красиво, не правда ли?

Все двери, которые вели из прихожей в другие помещения, были закрыты, и только соблазнительно выгнувшаяся лестница темного полированного дерева словно манила к себе, и Гвен невольно шагнула к ней.

— Ближе к концу, благослови Господь ее душу, помочь требовалась ей едва ли не во всем.

Голос Лили донесся как будто издалека, и Гвен услышала странный шорох в ушах. Задержала дыхание, подумала она. Так и в обморок упасть недолго. Она сделала глубокий вдох, но шорох не исчез, а ступеньки словно замерцали. Гвен шагнула к нижней и вдруг увидела перед собой желтый шелк, заслонивший дышащее теплом дерево. Перед ней встала Лили.

— Комнаты наверху не готовы. Я не успела там убраться. Не ждала вас... — Лили не договорила. — То есть не ждала сегодня. Мне не сказали...

— Ничего. — Гвен шагнула мимо Лили и легко взбежала по лестнице.

Уже на площадке она заметила, что дверь справа распахнута настежь, будто кто-то в спешке выбежал из комнаты. На застеленной покрывалом широкой кровати лежал пестрый мешок с бельем для стирки.

За спиной у нее возникла, слегка отдуваясь, Лили.

— Здесь все не убрано. Не успела...

— Не беспокойтесь. — Гвен открыла другую дверь и обнаружила маленькую спальню с узкой кроватью, письменным столом под окном и еще одной широкой кроватью с латунным основанием, задущенным несколькими одеялами и пестрым лоскутным покрывалом.

— Позвольте показать вам кухню, — решительно заявила Лили.

Уступая напору Лили, Гвен спустилась по лестнице и прошла в длинную комнату с кремовыми шкафчиками с блекло-зеленой отделкой в стиле 1950-х и лимонно-желтыми столешницами «формика». На этом безукоризненно аккуратном рабочем фоне выделялись только две вещи: красный эмалированный кофейник и электрический чайник. В дальнем углу стоял столик с двумя задвинутыми под него стульями; по стеклу окошка над раковиной из нержавейки пролегла трещина.

— Что там? — Гвен кивком указала на дверь за столиком.

— Кладовая для продуктов. Очень маленькая. —
Лили снова улыбнулась. — Сходите, взгляните на сад, а я пока приготовлю нам по чашечке чаю.

— Хорошо. — Оставив Лили в уютной кухне, Гвен вышла в сад. Холодный, застывший воздух. Ни звука, ни ветерка. *Место должно быть защищенное.* От полей сад отделяла каменная стена с одной стороны и лесополоса — с другой. В одном углу Гвен опознала куст рододендронов, в другом — обнаружила раскидистое хвойное дерево, густо увешанное шишками, в третьем — увидела падуб, ясень, граб. На лужайке ее внимание привлекли фруктовые деревья. *Сколько во все это вложено труда.* За углом она наткнулась на заброшенный огородик. Было видно, что когда-то за участком ухаживали. Каменные дорожки были обложены старым красным кирпичом. Ивовые шалаши для гороха или бобов подверглись наступлению разросшегося ревеня, явно имевшего собственное представление о своем положении на участке. Передний сад предлагал больше травы, больше кустов и широкие бордюры, заполненные семенными шапками и бурыми растениями умершего лета.

Чистый вечерний воздух освежил голову. Что делала Лили Томас в доме бабушки? В том, как эта женщина держалась и как вела себя в доме, вряд ли было что-то необычное, если она действительно работала у Айрис много лет. Но почему она и сейчас еще здесь? Или это просто мгновенность и ей видится то, чего на самом деле нет? Гвен остановилась в нерешительности, и тут ее глаз зацепился за какую-то зеленую вязанку, что-то вроде веника, засунутого за бочку для воды. Из трех веток Гвен узнала две: ясения и ракитника. Что-то